УДК 332.135

М. Б. Табачникова

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СРЕДА КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Аннотация: *цель статьи: теоретическое обоснование влияния институциональной среды на социально-экономическое развитие регионов РФ.*

Обсуждение: *проблема институциональной среды социально-экономических систем как фактора их развития является весьма дискуссионной, как и сама проблема идентификации институтов. В этой связи возникают как минимум три дискуссионные проблемы: что представляет собой институт в системе общественных отношений в регионе; каковы содержание и структура институциональной среды; в чем заключается роль институциональной среды в качестве фактора социально-экономического развития региона. Данные проблемы явились предметом дискуссии в представленной статье.*

Результаты: *институциональная среда региона — система, включающая элементную базу и формы связей. Элементная база институциональной среды региона: домохозяйства; органы власти и управления регионального уровня; органы местного самоуправления; крупный бизнес; малый бизнес; некоммерческие организации; бюджетные организации. Формы связей институциональной среды представлены формализованными и неформализованными правилами поведения. Институциональная элементная база с содержательной стороны разнородна, ценности и цели ее подсистем принципиально несводимы к единой ценности и цели. Для позитивного воздействия институциональной среды на социально-экономическое развитие региона необходимо ориентироваться не на унификацию ценностей и целей, а на их совместимость, взаимодополняемость в рамках единой стратегии социально-экономического развития региона и инструментов ее реализации.*

Ключевые слова: *регион, социально-экономическое развитие региона; институциональная среда; институциональные группы.*

UDK 332.135

M. B. Tabachnikova

INSTITUTIONAL ENVIRONMENT AS FACTOR OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REGION

Summary: *article purpose: theoretical justification of influence of the institutional environment on social and economic development of regions of the Russian Federation.*

Discussion: *the problem of the institutional environment of social and economic systems as factor of their development is very debatable, as well as a problem of identification of institutes. In this regard there are at least three debatable problems: what represents institute in the system of the public relations in the region; what contents and structure of the institutional environment; what the role of the institutional environment as a factor of social and economic development of the region consists in. These problems were a discussion subject in the submitted article.*

Results: *the institutional environment of the region — the system including element base and forms of communications. Element base of the institutional environment of the region: households; bodies of authority and management of regional level; local governments; large business; small business; non-profit organizations; budgetary organizations. Forms of communications of the institutional environment are presented by the formalized and unformalized rules of conduct. The institutional element base from the substantial party is diverse, values and the purposes of her subsystems are essentially irreducible to the uniform value and the purpose. For positive impact of the institutional environment on social and economic development of the region it is necessary to be guided not by unification of values and the purposes, and by their compatibility, complementarity*

within the uniform strategy of social and economic development of the region and instruments of her realization.

Keywords: *region, social and economic development of the region; institutional environment; institutional groups.*

Введение

Понятие «институт» существенно различается в представлениях исследователей. Традиционный институционализм ориентирован на учет базовых ценностей индивидов. Содержание ценности может быть различным в той или иной теоретической конструкции, но важно, что она является общей для всех. Институты функционируют таким образом, что предотвращают получение худшего результата для участников взаимодействии [2].

Б. Шаванс отмечает три концептуальные характеристики института: коллективная деятельность по контролю индивидуальной деятельности; спонтанный порядок; правила игры, установленные в обществе [22]. Дж. Бреннан и Дж. Бьюкенен характеризуют институты как правила общественного порядка [2]. Р. Долженко считает институтом устоявшиеся социальные нормы и правила [5]. Н. Смелзер называет институтами роли и статусы, предназначенные для удовлетворения социальных потребностей [17].

Я. Кузьминов, В. Радаев, А. Яковлев, Е. Ясин в соответствии с традициями институциональной теории пишут об институтах как правилах поведения, регулятивных принципах, предписывающих или запрещающих какие-либо способы действия. Данные правила призваны ограничивать действия хозяйствующих субъектов, в то же время, направляя их на осознанный выбор действий, учитывающих реакцию внешней среды [10].

Институциональная среда региона

Рассматривая влияние институциональной среды на социально-экономическое развитие региона, мы исходим из «новой системной парадигмы» Г. Клейнера, в соответствии с которой все системы подразделяются на четыре типа: объекты, процессы, проекты, среды [7].

Состояние институциональной среды как фактора социально-экономического развития систем различного уровня, находится в центре внимания многих отечественных и зарубежных исследователей. Необходимость оценки ее состояния и целенаправленного управления изменениями была осознана одновременно с постановкой вопроса о причинах слабой восприимчивости к нововведениям технического и социально-экономического свойства, доказавших свою эффективность в принявших их системах различных уровней от фирм до стран и макрорегионов [7]. В этой связи важно, что среда изначально не локализована ни в пространстве, ни во времени. Границы средовых систем обусловлены только внешними по отношению к ней факторами. Репрезентативный пример среды — институт или система институтов [7].

Д. Норт предложил рассматривать широкий спектр институциональных характеристик современного общества, определяющих экономические изменения, объединенные в три крупные группы:

— взаимодействие между тремя сферами — демография, накопление знаний, институты;

— различия между институтами, приспособленными для функционирования в физической среде и институтами, адаптированными к человеческой среде;

— взаимодействие между институтами, способствующими росту производительности, накоплению знаний и другим «эффективным» процессам, и институтами, соответствующими процессам саморазрушения [14].

Применительно к институциональной среде, как фактору социально-экономического развития регионов необходимо отметить широкий и неоднородный состав ценностей, обусловливающих состояние институтов и их взаимосвязи. Эта неоднородность можно рассматривать как негативный фактор социально-экономического развития любой системы, в том числе и региона.

А. Пилясов считает, что развитие регионов России и страны в целом можно объяснить, опираясь на неоинституциональную теорию [15]. Однако, какие именно положения этой теории необходимо использовать,

и какие взаимосвязи в итоге образуются, автор, насколько нам известно, не отметил.

Р. Туровский считает, что регионы обладают собственной идентичностью и четко идентифицируемыми интересами, что позволяет им осуществлять политическую экспансию [20]. Мы полагаем, что собственная идентичность присуща российским регионам, как и наличие определенных интересов, однако не стоит преувеличивать их значение, поскольку четко выраженных границ данных интересов не существует — субъект любой институциональной природы располагает большими или меньшими, но, в любом случае, значительными возможностями изменения территориального расположения. В то же время, изменение функционального содержания, связанного с базовыми интересами и ценностями, невозможно без перехода субъекта из одного института в другой.

В. Мау, К. Яновский выделяют важнейшие компоненты региональной институциональной системы и экономической политики: политические факторы, частную собственность, безопасность личности, стабильность «правил игры» [11]. Каждый компонент выделен авторами по собственному признаку: сфера действия (политика, безопасность), характер собственности (частная); степень стабильности правил.

На наш взгляд, в укрупненном виде институты региона необходимо представить, прежде всего, в функциональном аспекте: коммерческие организации, домохозяйства, органы власти и управления, некоммерческие организации. Коммерческие организации, независимо от конкретных технико-технологических, организационно-экономических параметров, действуют на основе ценностей и правил, обеспечивающих достижение рыночных целей.

Идентификация интересов и ценностей некоммерческих организаций, определяющих их институциональное единство, сложнее. Косвенно их можно определить, опираясь на видение перспектив и проблем региона, страны, иной социально-экономической системы [23].

Домохозяйства в ряде случаев рассматриваются как институциональные системы, обеспечивающие производство и потребление общественного продукта, а также воспроизводство рабочей силы, то есть самого человека [6]. Полагаем, что данную позицию можно рассматривать как внешнее проявление институциональных характеристик домохозяйств. Домохозяйства, если понимать их не в производственном, а в институциональном аспекте, составляют первичную сеть отношений, на основе которой строятся иные институты и организации.

Г. Клейнер относит к институциональной системе только формальные правила [8]. Полагаем, что формальные правила существенны, но действие и само их возникновение базируется на правилах неформальных.

Я. Кузьминов, В. Радаев, А. Яковлев, Е. Ясин считают, что институциональные системы представляют собой трехуровневую пирамиду правил и ценностей [10]. С точки зрения характеристики региональных институциональных систем существенно, что часть ценностей носит общий характер, другую разделяют конкретные группы. Решающего вывода о ценностях, традициях как основе институционального устройства систем, вышеуказанные авторы не сделали.

Недостаточное внимание к институциональным особенностям ценностей общества связано с повышенным вниманием исследователей к рыночным ценностям, которые, якобы, разделяют все члены современного общества. Данная позиция представляется нам не самоочевидной. Участники социально-экономических процессов функционируют, действительно, в условиях преобладания рыночных отношений. Однако, это не означает, что все они придерживаются одних и тех же ценностей, и правил поведения. Институты рыночного общества — собственность, цена, конкуренция, прибыль являются основной функционирования коммерческих организаций. Организации некоммерческого сектора, органы власти и управления, домохозяйства вынужденно используют их в своем поведении. Но они имеют и собственные ценности. В то же время есть основание утверждать, что ценности иных институциональных групп вынужден использовать и такой институт как бизнес [13]. Он выполняет предписания государства (во всяком случае — в достаточном объеме, чтобы сохранялась целостность системы); домохозяйств, обе-

спечивая их доходами для воспроизводства; институтов гражданского общества, принимая часть их условий.

В целом можно утверждать, что ценности бизнеса, основанные на рыночных институтах, имеют различные формы реализации, базирующиеся на разных формальных институтах и взаимосвязях с иными институтами [13]. Так, малый и крупный бизнес представляют один и тот же институт — коммерческие организации. Но, с точки зрения экономической роли и правил поведения это — разные институты. Нами и рядом других авторов различия ценностей показаны в ряде работ [23]. Поэтому мы полагаем необходимым разграничить коммерческие организации на две группы, каждая из которых является отдельным институтом — крупный бизнес и малый бизнес. Средний бизнес мы не относим к отдельному институту, полагая, что, несмотря на объединение его с малым в нормативных актах РФ, он в большей степени схож с крупным, если не ограничивать последний крупными монополистическими структурами.

В научных работах, посвященных институтам, нам не удалось обнаружить бюджетный сектор экономики. Между тем, он имеет существенные отличия от всех институтов, пользующихся вниманием исследователей. Зачастую в научных исследованиях авторы обращают внимание на его отдельные подсистемы, например, научные, образовательные. На них совершенно определенно указывают, в частности, Ю. Трещевский и Е. Исаева [19]. Это имеет смысл для конкретных целей исследований. Но существенным является то, что, независимо от специальных функций, бюджетные организации объединены общей целью — удовлетворение потребностей домохозяйств, государства, бизнеса в общественных (доверительных) благах. Кроме того, данный институт использует в качестве материальной базы своего существования бюджетные средства, что принципиально отличает его от остальных, где бюджетные ресурсы являются лишь некоторым дополнением иных источников либо используются на возмездной и возвратной основе. В связи с этим мы полагаем необходимым выделить в качестве отдельного института бюджетные организации.

Существенным является также отличие институтов местного самоуправления от органов государственной власти. В обыденном сознании они обычно рассматриваются как нечто единое. Но их функционирование базируется на различных принципах [12]. В нормативных актах РФ данные институты представлены как отдельные.

Каждый регион отличается от иных по широкой совокупности институтов. Одной из институциональных характеристик каждого региона являются собственные формальные правила — основанные на национальных, и дополняющих их. Помимо законодательных норм в регионах действуют нормативные акты подзаконного уровня, регламентирующие социально-экономические процессы в административно-территориальных образованиях страны.

В составе формальных институтов особого внимания заслуживают нормативные акты, на основе которых формируются миссия, направления, цели, задачи, инструменты социально-экономического развития регионов. В настоящее время к числу таких документов необходимо отнести, в первую очередь, стратегии социально-экономического развития регионов до 2035 года.

Сложные институциональные системы, в частности, — регионы, могут существенно различаться по основным институтам, если взаимодействие между ними осуществляется на основе общего управления, правила которого задает управляющая система. В случае с Россией — это федеральный центр. В то же время, характер взаимодействия существенно различается в зависимости от состояния институтов.

Различия в неформальном институциональном устройстве в значительной степени объясняет существенную дифференциацию регионов страны даже в такой сфере, как динамика их доходов в краткосрочном периоде [18]. Обратим внимание на то, что правила должны действовать длительный период. Дж. Бреннан и Дж. Бьюкенен пишут, что правило сбалансированности бюджета было бы бессмысленным, если бы оно утверждалось на один бюджетный период, как сам бюджет [2].

Применительно к регионам весьма существенным является выявление причин или, хотя бы, факторов и условий, обусловливающих взаимодействие институтов на

мезоуровне. В основном они рассматриваются на микроуровне в рамках концепции методологии индивидуализма или применительно к однородным группам индивидов при следовании холистической методологии. Однако, и в этих случаях генезис институтов не является в полной мере раскрытым. Можно утверждать, что в большинстве случаев в России имеет место внешнее, принудительное происхождение регионов страны, ориентированное на управление производительными силами из федерального центра.

В то же время, принципиально важные для воспроизводства систем институты могут быть успешно сформированы или трансплантированы из других систем.

Естественно, что развитие институтов осуществляется неравномерно по подсистемам. Показательно, что уровень развития такого неформального института, как коррупция, весьма существенно различается по регионам страны. В первую шестерку регионов входят: Москва, Санкт-Петербург, Московская область, Краснодарский край, Челябинская область, Саратовская область [4]. На региональный и субрегиональный уровни приходится около 95 % объема коррупционных услуг [4]. Мы не ставим целью охарактеризовать данный конкретный институт, приведенные выше данные демонстрируют высокую степень своеобразия регионов в общем институциональном пространстве страны.

В то же время, правила не являются вечными, они меняются под влиянием внутренних и внешних факторов. Как справедливо отмечают Дж. Бреннан и Дж. Бьюкенен: если речь идет об изменении уже существующего правила, то правило, порождающее наиболее предпочтительный набор результатов, не обязательно является доминирующим [2]. Отметим, что это положение декларировано авторами в отношении субъектов одной и той же институциональной природы. Оно, тем более, должно учитываться и в том случае, если участники взаимодействия имеют различную институциональную природу.

Обратим внимание на то, что появление новых институтов обычно связывается с необходимостью повышения эффективности в стоимостном понимании эффекта. Однако, эффект может носить и иной характер. Достижение любой цели — это эффект. «Экономический человек» А. Смита — отнюдь не универсальная модель поведения. Сохранение «статус-кво» в экономическом положении и взаимоотношениях между людьми является не менее значимой ценностью. Об этом, в частности, свидетельствует сохранение уравнительного порядка распределения, препятствующего повышению благосостояния, но зато сохраняющего стабильность. А. Прохоров пишет по этому поводу, что в процессе исторического развития России люди выработали механизмы, удерживающие систему управления экономикой в застойно-стабильном состоянии. Эти же механизмы препятствуют формированию новых стереотипов поведения, обеспечивающих переход в режим быстрорастущего и нестабильного функционирования [16].

Стабильность социальных слоев в регионах является в институциональном смысле вполне достаточным основанием для отказа от более эффективных технико-технологических и организационно-экономических решений. Экономическая эффективность приносится в жертву социальной и институциональной стабильности. А. Прохоров отмечает, что уравниловка постперестроечного периода, сохраняющаяся на предприятиях, является частью уравниловки, как общего явления. В течение всего этого периода и федеральное и региональные правительства активно осуществляли перераспределение ресурсов в пользу неэффективных предприятий, чтобы спасти их от разорения и возникновения в связи с этим социальных проблем [16].

В. Вольчик пишет, что традиционно институты трактуются как правила, механизмы, обеспечивающие их выполнение; нормы поведения, структурирующие повторяющиеся взаимодействия между людьми [3]. В связи с данной позицией представляется неоправданным исключение им властных связей и отношений, возникающих в результате организации хозяйственных процессов в рамках государственных и корпоративных структур и иных организаций [3] из состава институтов. Иначе говоря, воспроизводство «повторяющихся», т. е. традиционных связей является основой существования институциональных систем.

Существенное значение для рассмотрения регионов в качестве институциональ-

ных систем имеет применение к ним «дихотомии Веблена». Она в упрощенном виде демонстрирует противоречивое взаимодействие институтов. Действительно, если даже в коммерческих организациях возникает противоречие между прогрессивными технологиями и тормозящими их развитие институтами, то в отношении столь разнородных в технико-технологическом и институциональном планах систем, как регионы, можно предположить гораздо более сильное сдерживающее влияние институтов. При этом факт внешнего признания целесообразности изменения институтов не означает их практического применения (во всяком случае, в полном объеме). П. Кропоткин писал по этому поводу, что законы будут обходить, их будут нарушать, если они помешают, но будут произносить пламенные речи об их божественном значении [9].

Отметим, что сдерживающее влияние на технико-технологическое развитие у Т. Веблена оказывает бизнес, его стремление к прибыли, т. е. действия «экономического человека» являются неэффективными с точки зрения общей динамики системы.

Следует согласиться с позицией В. Вольчика, который считает, что дихотомия Т. Веблена представляет собой частный случай асинхронной эволюции институтов и технологий. В этом случае оценочные суждения относительно «прогрессивности» технологий и институтов неуместны [3]. Эти институты — просто иные.

В. Вольчик справедливо отмечает, что группы специальных интересов постепенно формируют институциональную среду с более высокими характеристиками инертности, чем в системе в целом. Поэтому они являются более устойчивыми к внешним шокам импорта институтов [3].

Проблема для регионов, с точки зрения перспектив их социально-экономического развития, заключается в том, что для создания новых институтов необходимы большие усилия, чем для поддержания исходных. В коммерческих организациях эта проблема решается относительно просто — не приспособленные к новым условиям бизнес-структуры погибают в процессе конкуренции. По отношению к регионам данный механизм не действует. Об этом свидетельствует и тот факт, что регионы России различаются по экономическим параметрам в десятки, сотни и даже тысячи раз. Вряд ли можно представить себе сосуществование коммерческих организаций со столь сильными различиями на одной территории.

Для обеспечения институциональной и социально-экономической стабильности региона принципиально важно сохранение базовых групп специальных интересов, функциональных подсистем, ориентированных именно на пространственно обособленное функционирование. Распространение иных форм контактов, коммуникаций, ориентированных на содержательно обособленное функционирование, должно приводить к разрушению институциональной и социально-экономической подсистем регионов.

Выводы и предложения

Обобщение вышеизложенного позволяет сделать следующие выводы:

— институциональная среда региона образует систему, включающую элементную базу и формы связей;

— элементная база включает: домохозяйства; органы власти и управления регионального уровня; органы местного самоуправления; крупный бизнес; малый бизнес; некоммерческие организации; бюджетные организации;

— институциональная элементная база с содержательной стороны разнородна, ценности и цели ее подсистем (элементов, субъектов различной институциональной природы) принципиально несводимы к некоторой единой ценности и цели. Для позитивного воздействия институциональной среды на социально-экономическое развитие региона необходимо ориентироваться не на унификацию ценностей и целей, а на их совместимость, взаимодополняемость в рамках единой стратегии социально-экономического развития регионов и инструментов ее реализации;

— институциональную среду региона формируют две основные формы связей: формальные институты (формализованные правила поведения), неформальные институты (неформальные правила поведения: традиции делового общения, ценности, социально-экономические цели субъектов);

— формальные институты, обеспечивающие условия для эффективного социально-экономического развития региона, отражающие его специфику, включают в себя нормативные акты, регулирующие поведение каждой институциональной группы и их взаимодействие в реализации общей для региона стратегии развития, ее направлений, целей и задач;

— к неформальным институтам, влияющим на социально-экономическое развитие региона, необходимо отнести видение проблем и перспектив его развития каждой институциональной группой. При этом, чем выше уровень согласованности в видении проблем и перспектив, тем более благоприятной является институциональная среда для социально-экономического развития региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кузьминов Я.* Институты: от заимствования к выращиванию / Я. Кузьминов, В. Радаев, А. Яковлев, Е. Ясин // Вопросы экономики. — 2005. — № 5. — С. 10—12.

2. *Бреннан Дж.* Причина правил. Конституционная политическая экономия / Дж. Бреннан, Дж. Бьюкенен. — СПб. : Экономическая школа, 2005. — 272 с.

3. *Вольчик В. В.* Эволюция институтов постиндустриальной экономики в контексте дихотомии Веблена / В. В. Вольчик // Экономический вестник Ростовского государственного университета. — 2008. — Т. 6. — № 2. — С. 53—59.

4. *Дегтярев А.* Институциональный анализ деловой коррупции в России / А. Дегтярев, Р. Маликов // Вопросы экономики. — 2005. — № 10. — С. 107—108.

5. *Долженко Р. А.* Методические основы институционального проектирования новых форм трудовых отношений / Р. А. Долженко // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». — 2015. — № 1. — С. 72—80.

6. Домохозяйство // Свободная энциклопедия «Википедия». — Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/ wiki/Домохозяйство (дата обращения: 30.03.2017).

7. *Клейнер Г.* Системная парадигма и теория предприятия / Г. Б. Клейнер // Вопросы экономики. — 2002. — № 10. — Режим доступа: http://www.kleiner.ru/arpab/sisorgan2012.html: (дата обращения: 30.03.2017).

8. *Клейнер Г.* Системная структура экономики и экономическая политика / Г. Клейнер // Проблемы теории и практики управления. — 2006. — № 5. — С. 10.

9. *Кропоткин П.* Анархия, ее философия, ее идеал / П. Кропоткин. — М. : ЭКСМО-Пресс, 1999. — С. 186.

10. *Кузьминов Я.* Институты: от заимствования к выращиванию / Я. Кузьминов, В. Радаев, А. Яковлев, Е. Ясин // Вопросы экономики. — 2005. — № 5. — С. 8—9.

11. *Мау В.* Политические и правовые факторы экономического роста в российских регионах / В. Мау, К. Яновский // Вопросы экономики. — 2001. — № 11. — С. 17—33.

12. *Мясникова Т. А.* Стратегирование социально-экономического развития муниципальных образований в регионах России: теория, методология, методическое обеспечение : монография / Т. А. Мясникова. — Воронеж : Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2015. — 271 с.

13. *Никитина Л. М.* Корпоративная социальная ответственность как система социально-экономических отношений / Л. М. Никитина. — Воронеж : ВГПУ, 2009. — 204 с.

14. *Норт Д.* Понимание процесса экономических изменений / Д. Норт. — М. : Издательский дом Государственного университета — высшей школы экономики, 2010. — 256 с.

15. *Пилясов А.* Политические и экономические факторы развития российских регионов / А. Пилясов // Вопросы экономики. — 2003. — № 5. — С. 67—68.

16. *Прохоров А.* Уравниловка как элемент русской модели управления / А. Прохоров // Вопросы экономики. — 2004. — № 10. — С. 100—112.

17. *Смелзер Н.* Социология : пер. с англ. / Н. Смелзер. — М. : Феникс, 1994. — 688 с.

18. *Трещевский Ю. И.* Динамика доходов региональных бюджетов в кризисный период / Ю. И. Трещевский, С. В. Седыкин // Регион: системы, экономика, управление. — 2012. — № 4 (19). — С. 41—47.

19. *Трещевский Ю. И.* Регион как институциональная система / Ю. И. Трещевский, Е. М. Исаева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. — 2012. — № 1. — С. 81—88.

20. *Туровский Р.* Баланс отношений «центр-регионы» как основа территориально-государственного устройства / Р. Туровский // Мировая экономика и международные отношения. — 2003. — № 12. — С. 54—55.

21. *Фукуяма Ф.* Отставание / Ф. Фукуяма. — М. : Астрель, 2012. — 477 с.

22. *Шаванс Б.* Типы и уровни правил в организациях, институтах и системах / Б. Шаванс // Вопросы экономики. — 2003. — № 6. — С. 5—9.

23. *Tabachnikova M. B.* Analysis of economic optimism and pessimism of institutional groups in the region / M. B. Tabachnikova, Y. I. Treschevskiy, A. A. Plugatyreva // RJOAS: Russian Journal of Agricultural and Socio-Economic Sciences. SSUE 6(66), June 2017. pp. 175—184, Crossref DOI: https://doi.org/10.18551/rjoas.2017-06.20

24. *Williamson O.* The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead / O. Williamson // Journal of Economic Literature. — 2000. — Vol. 38. — P. 595—613.

Воронежский государственный университет

Табачникова М. Б., кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления организациями

E-mail: gmasha3@gmail.com

Тел.: 7 (473) 2 281 160